

«Он обожал скрипку как произведение искусства и как предмет, из которого можно извлекать такие красивые чарующие звуки. У меня навсегда осталось в памяти его лицо с полу-улыбкой, когда он только брал инструмент в свои руки и что-то показывал... Скрипка была частью его физического существования – он обожал свое чувство совершенства владения этим инструментом».

Так заканчивает воспоминания о своем учителе – Давиде Ойстрахе – скрипач и педагог Виктор Данченко. На наших глазах сменилось несколько поколений исполнителей (среди которых есть, безусловно, и выдающиеся музыканты); мы можем – как будто объективно – оценить музыкальное искусство уже «прошлого» для нас XX столетия, ведь большинство записей «великих», «знаменитых» и «прославленных» скрипачей доступны для свободного прослушивания в любое время! Но и сегодня имя Давида Ойстраха, сердце которого остановилось 24 октября 1974 года, на следующий день после первого из семи запланированных концертов в Амстердаме, отзывается в душе чуткого слушателя... Так звучат в памяти человечества лишь имена избранных – *«счастливец праздных»* (Пушкин).

«Царь Давид», «король скрипачей», «величайший из великих скрипачей современности» – подобные дифирамбы расточались Ойстраху со страниц газет в Вене, Париже, Брюсселе, Берлине, Праге, Лондоне, Нью-Йорке. Публике Европы и Америки было с кем сравнивать – если для советского слушателя приезды Йегуди Менухина, Исаака Стерна были счастливыми исключениями, то остальной мир не знал «железного занавеса»; концертные залы европейских столиц и городов США помнили выступления мэтров скрипичного искусства. *«Ойстрах велик не потому, что он виртуоз – он подлинный, одухотворенный музыкант»*, – писала пресса во время

его первого приезда в США в 1955 году. А ведь дебют в Карнеги-холле ему пришлось играть в один день с выступлениями Натана Мильштейна и Миши Эльмана; в другом зале Нью-Йорка давал концерт Йозеф Сигети.

«Охарактеризовать гений Давида Ойстраха трудно, настолько его личность – большого человека и большого музыканта – многогранна», – признавался главный дирижер Филадельфийского оркестра Юджин Орманди. Об этой многогранности вспоминал и руководитель оркестра Гевандхауза Курт Мазур, для которого Ойстрах *«был и навсегда остался идеалом музыканта и человека».* *«Ойстрах и скрипка, Ойстрах и музыка – эти понятия стали неразрывны»,* – писал в некрологе Дмитрий Шостакович, *«обязанный»* Давиду Ойстраху премьерными всеми своими скрипичными сочинениями.

Еще с ранней юности Ойстрах – студент Одесского музыкально-драматического института по классу Петра Столярского – имел в репертуарном багаже масштабные концертные произведения композиторов XIX века. Но искушенная московская публика конца 1920-х – начала 1930-х годов воспринимала молодого скрипача, скорее, как мастера малой формы, тонкого, изящного интерпретатора виртуозных миниатюр. Лишь победа на конкурсе имени Венявского в Варшаве (1935) и триумфальный успех на состязании в Брюсселе (1937) заставили признать в Ойстрахе подлинного, зрелого мастера, достойного преемника великих скрипачей начала XX века.

Музыка Иоганна Себастьяна Баха сопровождала артиста с первых шагов в исполнительском искусстве. С концертом ля минор (BWV 1041) Давид Ойстрах дебютировал на большой эстраде, в торжественном концерте, посвященном юбилею Столярского (1923), заслужив похвалу учителя. Когда в ноябре 1945 года И. Менухин прилетел в послевоенную

Москву, то совместное исполнение концерта ре минор для двух скрипок (BWV 1043) стало началом искренней дружбы великих музыкантов. В дальнейшем партнером Ойстраха в двойном концерте Баха стал его сын Игорь – семейный дуэт Ойстрахов играл его в Москве, Лондоне и других городах. В 1950 году Давид Ойстрах вместе с крупнейшими представителями советского музыкального искусства принял участие в торжественных мероприятиях по случаю 200-летнего юбилея со дня рождения И.С. Баха в Лейпциге.

Второй концерт Ми мажор (BWV 1042) звучал в исполнении Ойстраха в Германии и США, но в поздние годы он предпочитал играть первый концерт. Именно он стал символическим завершением исполнительского пути Ойстраха – в феврале 1975 года запланированный в амстердамском Концертгебау концерт прошел в память великого артиста, на котором концерт Баха ля минор исполнил один из лучших учеников Ойстраха – Олег Каган...

В первую «большую» концертную программу, которую 25-летний Давид Ойстрах представил московской публике в 1933 году, вошли концерты Моцарта, Мендельсона и Чайковского. Но понадобилось время – обогащение репертуара концертами Прокофьева, Мясковского, Хачатуряна, суровые военные годы – чтобы солнечная жизнерадостность, проникновенный лиризм, яркая театральность моцартовских концертов, созданных в радостный, еще не омраченный несчастьями зальцбургский период, обрела в Ойстрахе по-настоящему глубокого интерпретатора.

И Моцарт снова зазвучал – в цикле «Развитие скрипичного концерта» (1946–47), в концертах и студийных записях 1950-х годов – и сопровождал скрипача до последних лет жизни. Постоянно обновляя репертуар про-

изведениями советских и зарубежных композиторов, Ойстрах находил новые краски и в моцартовских концертах. 8 февраля 1963 года в Большом зале Московской консерватории он соединил в программе Моцарта с концертами Брамса и Стравинского – причем Стравинский, как и концерт Си-бемоль мажор, KV 207, звучал в его исполнении впервые, эта «живая» запись и представлена на диске.

Как альтист (игру на альте преподавал своим ученикам П. Столярский) Ойстрах неоднократно исполнял Концертную симфонию Моцарта (в ансамблях с И. Менухиным, И. Ойстрахом), как дирижер осуществил запись пяти концертов с участием О. Кагана и «сомнительного» седьмого концерта (его авторство до сих пор оспаривается исследователями) в исполнении М. Фихтенгольца. Одной из вершин исполнительского творчества артиста признана берлинская запись пяти моцартовских концертов (1970–71), в которой Ойстрах выступил в качестве солиста и дирижера. Слушая ее, трудно не согласиться с утверждением В. Рабея: *«...Ойстрах-скрипач и Ойстрах-дирижер не просто “сосуществуют”, а взаимно дополняют один другого – две формы раскрытия единой духовной сущности, какой является внутренний мир художника!»*

За 40 лет Давиду Ойстраху довелось выступать с многочисленными оркестрами и лучшими дирижерами мира. Но среди отечественных маэстро наиболее плодотворны были творческие контакты с Кириллом Кондрашиным и Рудольфом Баршаем.

Во второй половине 1940-х годов К. Кондрашин, тогда еще дирижер Большого театра, начал регулярно выступать с симфоническими коллективами, а с 1956 года полностью посвятил себя концертной деятельности. Многолетняя оперная практика сделала его непревзойденным партнером

в оркестровых концертах – Кондрашин обладал умением чувствовать солиста, улавливать его темповые, образно-эмоциональные импульсы (неслучайно он потом дирижировал на третьем туре Первого Международного конкурса имени П.И. Чайковского у пианистов и отправился в гастрольное турне вместе с победителем – Вэнном Клайберном).

Именно с Кириллом Кондрашиным Ойстрах провел грандиозный цикл «Развитие скрипичного концерта», позже выступал с ним на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Будапеште, исполнял и записывал под управлением Кондрашина концерты Баха, Моцарта, Мендельсона, Брамса, Чайковского, Дворжака, Лало, Глазунова, Стравинского, Прокофьева и Шостаковича. Возглавив в 1960 году симфонический оркестр Московской филармонии, дирижер регулярно приглашал Давида Ойстраха к участию в концертах. Синтез «ratio» и «emotio» – строгой продуманности каждой интерпретации и вдохновенного эмоционального порыва в исполнении – был присущ обоим музыкантам; именно у Кондрашина Ойстрах, по собственному признанию, учился «слушанию» оркестровой партитуры в период освоения дирижерской профессии.

Совместные выступления Давида Ойстраха с Рудольфом Баршаем также начались в конце 1940-х годов. Недавний выпускник Московской консерватории по классу альты с потенциалом выдающегося исполнителя, Баршай отдавал много сил ансамблевой игре, участвовал в концертах трио Д. Ойстраха, Л. Оборина и С. Кнушевицкого, в создании струнных квартетов имени Бородина и имени Чайковского. В ансамбле с Баршаем была исполнена и записана Концертная симфония Моцарта (издана «Мелодией» в 2019 году, в юбилейном комплекте, посвященном Р. Баршаю), а запись Баршай симфонии Берлиоза «Гарольд в Италии» для альты с оркестром под

управлением Ойстраха-дирижера (1964) и сегодня остается одной из лучших интерпретаций этого сочинения.

Когда Рудольф Баршай создал Московский камерный оркестр (1956) – первый в СССР коллектив подобного рода – свежесть репертуара и оригинальность звучания привлекла к нему лучших исполнителей-солистов. В репертуаре нового оркестра музыка барокко и венской классической школы соседствовала с авторами XX века, но и Бах, и Вивальди, и Гайдн звучали в его интерпретациях живо и «современно» (о «единстве истории и современности» как важнейшем исполнительском качестве МКО писал Шостакович). Удивительно пластично и в то же время объемно вел Баршай контрапунктическое кружево баховских концертов, соединивших в себе наследие итальянской виртуозной традиции, полифоническую насыщенность немецкой школы и характерные для Баха «прозрения» в будущее – ритмический «нерв» и зачатки мотивно-тематической разработки классицизма.

Удивительно, но исполнитель «большого» романтического склада Давид Ойстрах находит новое, камерное звучание, взаимодействуя с коллективом необычного для него формата. *«Слушая Московский камерный оркестр, – писал дирижер и педагог Л. Гинзбург, – воспринимаешь подлинное творчество прекрасных музыкантов, объединенных единой художественной направленностью».* Дух творческой свободы музицирования вдохновлял великого скрипача, придавал его игре с МКО особый эмоциональный шарм; он не поблек и сегодня.

Записи Давида Ойстраха под управлением Кирилла Кондрашина и Рудольфа Баршая по-прежнему составляют одну из ярких страниц золотого фонда отечественного музыкально-исполнительского искусства.

На первый взгляд, различные по стилистике, они объединены той неуловимой, но передающейся слушателю любовью к музыке, к скрипичной игре, которую так метко охарактеризовал в Ойстрахе его великий коллега Исаак Стерн: *«...он творит музыку, изливающуюся в бесконечном потоке красоты и изящества».*

Борис Мукосей

“He adored the violin as a work of art and as an object from which he could extract those beautiful bewitching sounds. I forever remembered his face with a half-smile, when he just took the instrument in his hands and showed something... The violin was part of his physical existence – he adored his sense of perfect mastery of the instrument”.

This is how the violinist and teacher Viktor Danchenko concludes his memories of his teacher, David Oistrakh. Several generations of performers (with some undoubtedly outstanding musicians among them) came and went before our eyes. As if objectively, we are able to evaluate the musical art of the now “past” twentieth century because most of the recordings made by the great, famous and celebrated violinists are available for free listening at any time. But even today the name of David Oistrakh, whose heart stopped on October 24, 1974, the day after the first of the seven scheduled recitals in Amsterdam, strikes a chord with the sensitive listener causing inexplicable trepidation, a feeling of delight and admiration. This is how the names of the chosen ones resonate in the memory of mankind – *“happy idle people”* (Pushkin).

“King David,” “the king of violinists,” and *“the greatest of the great violinists of our time”* were the praises the newspapers in Vienna, Paris, Brussels, Berlin, Prague, London and New York lavished upon Oistrakh. The audiences in Europe and America did have a chance to compare. If the visits of Yehudi Menuhin and Isaac Stern were nothing but happy exceptions to the Soviet listeners, the rest of the world did not actually know what the Iron Curtain was. The concert halls of the European capitals and American cities remembered the performances of the great masters of the violin art. *“Oistrakh is great not because he is a virtuoso, but because he is a genuine, inspired musician,”* the press wrote during his first visit to the United States in 1955. Incidentally, he had to make his debut at Carnegie Hall

on the same day when Nathan Milstein and Mischa Elman played their recitals. Joseph Szigeti was performing at another venue in New York.

“It is difficult to describe the genius of David Oistrakh. Apart from being a great man and a great musician, he is such a many-sided personality,” Eugene Ormandy, the long-time music director of the Philadelphia Orchestra, admitted. Kurt Masur, the Kapellmeister of the Leipzig Gewandhaus Orchestra, for whom Oistrakh *“was and always remained the ideal of a musician and a man,”* also remembered about his many-sided personality. *“Oistrakh and the violin, Oistrakh and music – these things have become inextricable,”* Dmitri Shostakovich, who felt “obliged” to David Oistrakh for the premieres of all his violin pieces, wrote in an obituary.

When Oistrakh was a young student at the Odessa Music and Drama Institute and studied with Pyotr Stolyarsky, he already had a number of large-scale concertos written by nineteenth century composers in his repertoire. However, the sophisticated Moscow audience of the late 1920s and the early 1930s perceived the young violinist as a master of small forms, as a refined and elegant interpreter of exquisite miniatures. Only his victory at the Wieniawski Competition in Warsaw in 1935 and triumphal success at the competition in Brussels in 1937 made them recognize a true and mature master in Oistrakh, a worthy successor to the great violinists of the early twentieth century.

The music of Johann Sebastian Bach accompanied the artist from the first steps of his performing career. With the concerto in A minor (BWV 1041), David Oistrakh made his debut on the big stage in the Gala concert dedicated to Stolyarsky’s anniversary in 1923 and earned the teacher’s praise. When Yehudi Menuhin arrived in the post-war Moscow in November 1945, their joint performance of the concerto in D minor for two violins (BWV 1043) signified the beginning of a sincere friendship between the two great musicians. Subsequently, Oistrakh played

the Bach double concert with his son Igor – the Oistrakh family duo played it in Moscow, London and other cities. In 1950, David Oistrakh, together with some luminaries of the Soviet musical art, took part in celebration of J.S. Bach's 200th anniversary in Leipzig.

The second concerto in E major (BWV 1042) was performed by Oistrakh in Germany and the USA, but he preferred to play the first one in later years. It became a symbolic conclusion of Oistrakh's performing career – in February 1975, the recital he had scheduled to play at the Concertgebouw in Amsterdam became an evening consecrated to the memory of the great artist. Oleg Kagan, one of Oistrakh's best students, performed Bach's concerto in A minor.

The first "big" concert program that then the 25-year-old David Oistrakh presented to the Moscow audience in 1933 included concertos by Mozart, Mendelssohn and Tchaikovsky. But it took time – and the concertos by Prokofiev, Myaskovsky and Khachaturian, and the harsh war years – until that sunny cheerfulness, heartfelt lyricism, and vivid theatricality of the Mozart concertos created during the joyful Salzburg period that did not know the future misfortunes found a truly profound interpreter in Oistrakh.

And Mozart sounded again – in the cycle *"Evolution of Violin Concerto"* (1946 and 1947), in the concerts and studio recordings of the 1950s – and accompanied the violinist until his last years. Constantly expanding his repertoire with the works by Soviet and foreign composers, Oistrakh kept finding new colors in the Mozart concertos. On February 8, 1963, playing at the Grand Hall of the Moscow Conservatory, he combined the Mozart program with concertos by Brahms and Stravinsky – and that was the day when he played Stravinsky, as well as the B flat major concerto, KV 207, for the first time. This live performance is featured on the album.

As a violist (Pyotr Stolyarsky also taught viola to his students), Oistrakh repeatedly performed Mozart's Concerto for Violin and Viola (together with Yehudi Menuhin and Igor Oistrakh); as a conductor, he recorded five concertos with Oleg Kagan; the "doubtful" seventh concerto (its authorship is still disputed by researchers) was performed by Mikhail Fichtenholtz. The Berlin recordings of five Mozart concertos made in 1970 and 1971, on which Oistrakh acted as both a soloist and conductor, was recognized as one of the peaks of the artist's career. Listening to it, it is difficult to disagree with what violinist and musicologist Vladimir Rabei said: *"...Oistrakh as a violinist and Oistrakh as a conductor not only "coexist," but mutually complement each other – two forms of revealing a single spiritual essence, which is the artist's inner world"*.

For 40 years, David Oistrakh had an opportunity to perform with numerous orchestras and the world's best conductors. But among the domestic maestros, he enjoyed the most fruitful artistic contacts with Kirill Kondrashin and Rudolf Barshai.

In the second half of the 1940s, Kirill Kondrashin, then the conductor of the Bolshoi Theatre, began to regularly perform with symphony orchestras. From 1956, he devoted himself completely to concert activities. Many years of opera practice made him an unsurpassed partner in orchestra concerts – Kondrashin had an ability to feel a soloist, to capture his/her tempo and figurative emotional impulses (it is no coincidence that Kondrashin conducted for the pianists during the third round of the First International Tchaikovsky Competition and went on tour together with the winner, Van Cliburn).

Kirill Kondrashin was the one with whom Oistrakh implemented the grand cycle *"Evolution of Violin Concerto"*. They later performed at the World Festival of Youth and Students in Budapest, performed and recorded concertos by Bach,

Mozart, Mendelssohn, Brahms, Tchaikovsky, Dvořák, Lalo, Glazunov, Stravinsky, Prokofiev and Shostakovich. After taking the helm of the Moscow Philharmonic Symphony Orchestra in 1960, Kondrashin regularly invited David Oistrakh to participate in his concerts. The synthesis of “ratio” and “emotio” – strict reasoning of each interpretation and inspired emotional impulse in performance – was inherent in both musicians. As Oistrakh admitted, when he studied conducting, he learned how to “listen” to an orchestra score from Kondrashin.

David Oistrakh and Rudolf Barshai began to perform together also in the late 1940s. The recent viola graduate of the Moscow Conservatory and promising performer, Barshai devoted much of his energy to ensemble playing, participated in concerts of the trios of David Oistrakh, Lev Oborin and Sergei Knushevitsky, and in the formation of the string quartets named after Borodin and Tchaikovsky. With Barshai, Oistrakh performed and recorded Mozart’s Concert Symphony (released by *Melodiya* in 2019 as part of the anniversary set dedicated to Barshai), and Barshai’s recording of Berlioz’s *Harold in Italy* for viola and orchestra conducted by Oistrakh (1964) still remains one of the best interpretations of this work.

When Rudolf Barshai founded the Moscow Chamber Orchestra in 1956, the first Soviet orchestra of the kind, the freshness of its repertoire and the originality of its sound attracted the best soloists to it. The new orchestra’s repertoire comprised the music of Baroque and the Viennese classical schools coexisting with twentieth century composers. Bach, Vivaldi and Haydn sounded lively and “modern” in his interpretations (Shostakovich wrote about the “*unity of history and modernity*” as the most important performing quality of the MCO). The way Barshai wove the contrapuntal lace of the Bach concertos was amazingly flexible and at the same time texturized, and that was the music that combined the legacy of the Italian virtuosic tradition with the polyphonic richness of the Ger-

man school and Bach’s “insights” into the future – the rhythmic “nerve” and the sprouts of motive and thematic development of classicism.

Surprisingly, David Oistrakh, with his disposition towards romanticism, found a new, chamber sound, interacting with the kind of orchestra that he was not accustomed to. “*When you listen to the Moscow Chamber Orchestra,*” wrote conductor and teacher Leo Ginzburg, “*you perceive genuine creativity of the wonderful musicians united by the same artistic orientation*”. The spirit of creative freedom of music playing inspired the great violinist and added a special emotional charm to his performances with the MCO. This charm still stays on.

The recordings of David Oistrakh with Kirill Kondrashin and Rudolf Barshai are still one of the brightest pages in the golden fund of the Russian musical performing art. At first glance, different in style, they are united by that elusive, but communicable love for music and violin playing, which was so aptly described by Oistrakh’s great fellow violinist Isaac Stern: “*...he creates music that pours out like an endless stream of beauty and grace*”.

Boris Mukosey

Диск 1

Иоганн Себастьян Бах

Концерт для скрипки, струнных и бассо континуо № 1 ля минор, BWV 1041	
1	I. 4.08
2	II. Andante 7.20
3	III. Allegro assai 3.55
Концерт для скрипки, струнных и бассо континуо № 2 Ми мажор, BWV 1042	
4	I. Allegro 8.19
5	II. Adagio 7.37
6	III. Allegro assai 3.04
Концерт для двух скрипок, струнных и бассо континуо ре минор, BWV 1043	
7	I. Vivace. 4.03
8	II. Largo, ma non tanto 7.32
9	III. Allegro 4.54

Общее время: 50.56

Давид Ойстрах, *скрипка*

Игорь Ойстрах, *скрипка* (7–9)

Московский камерный оркестр

Дирижер – Рудольф Баршай

Записи 1959 г. (1–6)

Звукорежиссер – Александр Гроссман

Ремастеринг – Елена Барыкина

Диск 2

Вольфганг Амадей Моцарт

Концерт № 1 для скрипки с оркестром Си-бемоль мажор, К. 207	
1	I. Allegro moderato 7.23
2	II. Adagio 7.50
3	III. Presto 6.06
Концерт № 5 для скрипки с оркестром ля мажор, К. 219	
4	I. Allegro aperto 9.17
5	II. Adagio 10.44
6	III. Rondeau. Tempo di menuetto 9.29
Концерт № 7 для скрипки с оркестром Ре мажор, К. 271a	
7	I. Allegro maestoso 10.01
8	II. Andante 7.50
9	III. Rondo. Allegro 8.49

Общее время: 77.34

Давид Ойстрах, *скрипка*

Симфонический оркестр Московской государственной филармонии (1–3)

Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио (4–6)

Государственный академический симфонический оркестр СССР (7–9)

Дирижер – Кирилл Кондрашин

Записи: с концерта 1963 г. (1–3), 1947 (4–6), 1950 (7–9) гг.

Ремастеринг – Елена Барыкина

Disc 1

Johann Sebastian Bach

Violin Concerto No. 1 in A minor, BWV 1041

1	I.	4.08
2	II. Andante	7.20
3	III. Allegro assai	3.55

Violin Concerto No. 2 in E major, BWV 1042

4	I. Allegro	8.19
5	II. Adagio	7.37
6	III. Allegro assai	3.04

Concerto for two violins in D minor, BWV 1043

7	I. Vivace.	4.03
8	II. Largo, ma non tanto	7.32
9	III. Allegro	4.54

Total time: 50.56

David Oistrakh, *violin*

Igor Oistrakh, *violin* (7–9)

The Moscow Chamber Orchestra

Conductor – Rudolf Barshai

Recorded in 1959 (1–6).

Sound engineer – Alexander Grossman

Remastering – Elena Barykina

Disc 2

Wolfgang Amadeus Mozart

Violin Concerto No. 1 in B flat major, K. 207

1	I. Allegro moderato	7.23
2	II. Adagio	7.50
3	III. Presto	6.06

Violin Concerto No. 5 in A major, K. 219

4	I. Allegro aperto	9.17
5	II. Adagio	10.44
6	III. Rondeau. Tempo di menuetto	9.29

Violin Concerto No. 7 in D major, K. 271a

7	I. Allegro maestoso	10.01
8	II. Andante	7.50
9	III. Rondo. Allegro	8.49

Total time: 77.34

David Oistrakh, *violin*

The Moscow Philharmonic Orchestra (1–3)

The Moscow Radio Symphony Orchestra (4–6)

The USSR State Academic Symphony Orchestra (7–9)

Conductor – Kirill Kondrashin

Recorded live in 1963 (1–3), 1947 (4–6), 1950 (7–9).

Remastering – Elena Barykina

Project supervisor – Andrey Krichevskiy
Label manager – Karina Abramyan
Release editors: Natalia Storchak, Tatiana Kazarnovskaya
Design – Grigory Zhukov
Translation – Nikolai Kuznetsov

Руководители проекта: Андрей Кричевский, Карина Абрамян
Редакторы: Наталья Сторчак, Татьяна Казарновская
Дизайн – Григорий Жуков
Перевод – Николай Кузнецов

MEL CD 10 02599